

КРИК ЧИБИСА

РАССКАЗ

Охранять природу—значит охранять Родину.

М. ПРИШВИН

В старый складок на Огibном болоте Семен Скалыгин пребирался по-затней ночью. Вечерняя заря уже угасала, догорая слабыми багряными отблесками. Небо становилось темно-фиолетовым. На востоке из-за леса показалась яркая полная луна.

Шел на Огibное Семен долго, шлепая по весенним лужам, по раскисшим полевым дорогам своими резиновыми «скороходами». Из поселка он выдался таинством, огородами, старыми заросшими межами, извилистыми, еще не окрепшими тропинками вдоль глубокого оврага.

Новенькую, только что пристрелянную «тулку», чтобы не вызывать подозрения, нес Семен в разобранном виде под туго шуршащим брезентовым плащом...

С трудом добирался до опушки леса. Рукавом смахнул со лба капли холодного пота, выступившие больше от поселившегося в душе страха, нежели от ходьбы по бездорожью. Присел на обветренную, скользкую от слабой ночной наледи валижину. Вздрагивающими руками собрал двустволку. Озирайсь, по сторонам, прислушался. Вздохнул с облегчением.

«Ну, слава богу! Пронесло, кажется. Никто не видел!»—подумал успокоенно Скалыгин и громко,

не остерегаясь, кашлянул. Ломкое эхо разнеслось по болоту. И тут же, вздрогнув от неожиданности, Семен услышал протяжный плачущий крик спутнику того им чибиса.

«Чьи вы? Чьи вы?» — как бы спрашивала вспомнившаяся ночная птица, то стремительно взмыла в освещение луной небо, то почти припадая к наводнелой, еще холодной и безжизненной почве земле.

—Ишь ты, узнать захотел, чьи мы! — скривившись, зло передразнил Семен чибиса. — Будь доволен, что лишнего шума поднимать не хочу, а то бы... баах! — и нет тебя. хехлатой, — надоедливой твари! — сердито плонул Скалыгин в сторону плачущей птицы и недовольно отвернулся, стараясь не думать о ней.

Однако полностью отрешиться от назойливого, пронизывающего душу крика болотной птицы Семену не удавалось. Больше того, от этого скорбного плача вспугнутой нечаянно им пигалицы почему-то тревожно билось сердце, неприятно холода душа.

Семену вдруг все вспомнилось, и он живо представил печальные глаза женены, грустное выражение ее лица и предостерегающие слова:

—Чует мое сердце, наживешь ты беды со своей охотой!

—Не каркай! — зло бросил Матрене Скалыгин и, хлопнув громко тяжелой

дверью, подался из дома.

...Семен взглянул на часы — стрелки давно перешагнули за полночь. Было тихо-тихо. Только вспугнутый чибис все еще жалобно плакал в лунном апрельском небе.

Весенняя охота была запрещена повсеместно. Но запрет этот Семен понимал по-своему.

—Это для других! Меня с ними равнять нечего! Меня на должность в области утверждали! Но-мен-клатура! — высокопарно говорил Семен и расплывался в самодовольной улыбке.

...Он нагло, на глазах у людей, с весны и до самого ледостава ловил запрещенную орудиями рыбью. Зимой перегораживал тесом в узких местах ложе реки и брал из нее все, что мог. На робкие замечания соседей беспаллюционно заявлял:

—Эх, вы, слюнтя! Природа должна служить человеку!

...Спортивной страсти в охоте Скалыгин не находил. Романтики в ней не видел. Никаких ограничений отстрела дичи не признавал. Бил все, что под руку попадется. Пощады ни зверю, ни птице не было, потому без добычи приходил редко.

Когда же охота выпадала неудачной, возвращался угрюмый, озлобленный.

—Тоже мне, спорт нашли! — бросал с ненавистью кому-то. — Ноги да время убить — невелика корысть! На то оно и огнестрельное оружие изобретено, чтобы, значит, дичинкой како-нито человеку поживиться!

Матрена понимала, кому адресованы эти слова. Инспектор лесоохраны однажды все-таки прищучил мужа. Оштрафовал, да еще и пригрозил нештатно.

С тех пор Скалыгин и стал немного поосторожнее, поосторожнее. Однако внутренне он оставался тем же. Человек — царь природы. Значит, ему все дозволено! А не то — какой же он царь!

(Окончан. в след. номере)

Из детства

С. САДОВСКИЙ

Там буйство нежное сирени,
Окно, распахнутое в сад,
Там живы солнечные тени,
Бюонки танцуют у оград.
Там, словно многоцветье флагов,
Пылает во дворе белье,
И нет намеков или знаков
На одиночество мое.
Река, от радуги пятниста,
Блестит змеею у горы,
И ставни хлопают от свиста
К воде бегущей детьворы.
Жива мечта о дальних странах...
И огорчает лишь одно,
Что маловат. И очень странно,
Что в доме нет отца давно.
И мать, такая молодая,
Нас одевает и ведет
На пристань. Я-то угадаю,
Что мы увидим пароход.

Б. КЛИМЫЧЕВ.

Вот и опять зажжена папироса,
Я у вокзала брошу на заре.
Дуги фонарные — знаки вопроса,
Ну а шлагбаумы — как тире.
Что это значит? Что значит это?
Все эти знаки и плач гудков?

Нет, что ни говори, а
ежели я не посижу часиков эдак шесть на лавочке
возле дома, я перестану себя человеком чувствовать.
Со всех сторон пользительно: и воздухом
свежим подышишь, и с
друзьями встретишься, и на жизнь поворчишь. А
ежели чухиха какая подсядет — и вовсе не уходит бы.
Да только вот мамка житья не дает: придишь
затемно—сразу: «Где тебя носило? Дома за водой некому сходить, дров наколоть...» (и пошло—поехали).

А тут еще в школе сочинение заставили писать на тему «Как я провел вчерашний день». Как провел, как провел... Чего надо-то? Ну, пришел из школы, поел, спал. Еще раз поел. По телику ничего интересного не было. Так я с Васькой позанимался: учил его стойку

За станицей где-то вместо ответа
Горит многоточие огоньков.

Туман в лощину полз. Уже темнело.
Девчонка заигралась допоздна,
Она прутом свой обруч подгоняла,
Катилась в небе обручем луна.
И что-то позабытое из детства
Вкатилось в мою душу в этот миг,
Омолодиться — нет такого средства,
Но кто сказал, что я уже старик!
Девчонка эта оказалась доброй
И мне свою игрушку отдала,
Передо мной, как чертик, прыгал
обруч

Вперед дорога пыльная звала.
В луга и рощи, к непонятной речке!
Я и не знал, что бегать так могу.
Ах к черту все лекарства, все
аптечки!

Уж умереть, так лучше на бегу!
Бежать, бежать, колесико стегая,
Дела, заботы, это ж — чепуха!
Смеялся я и, словно помогая,
В лесу кричало эхо:
—ух—ха—ха!

Вышел и крикнул я в полночь и долго
Молча стою на крыльце в тишине,
Хоть я не верю ни в черта, ни в бога,
Кажется: кто-то крадется ко мне.
Некогда ждать. Не придут ниоткуда,
Может быть — ветер да скрипы сльхи,
Может быть это — предчувствие чуда,
Может быть это — крадутся стихи.

Монолог мещанина

на передних лапах делать (поцарапал, черт лупоглазый). Ну, а потом, как всегда, на лавочку вышел. Что я испытываю за эти часы, ни в сказке сказать, ни тем более в сочинении описать. Ну, впервые, что хочу, то делаю. Здесь тебе не семья и не школа — никто нравоучений читать не станет. Вчера, к примеру, молодой соседке в окно грязью заехали. Это чтоб уважала. А самое любимое занятие у нас — впечатлениями делиться от увиденного. К примеру, идет мимо какая, мы с корешами и давай каждый свое мнение высказывать. Вот смеху-то! При случае и свистнешь вслед: мол, ничего деваха.

Так вот и пролетит времечко, глазом моргнуть не успеешь. Домой придешь — скототища. Сестра у меня зануда — в 6-м классе учится, отличница. Пристала как-то ко мне: «У нас на земле 800 миллионов человек читать не умеют и писать», — говорит. — И рады бы, да не могут. А тебя государство восьмой год учит и все без толку: кроме букваря, поди, и книги-то ни одной до конца не одолел.

Ну, я ее, понятно, поучил слегка, как со старшими разговаривать. В следующий раз умней будет. Да только немного не подрасчитал: теперь дуться неделя будет, кто же сочинение за меня напишет?

Л. ЭЙФЕРТ.

НА ПОЭТИЧЕСКОЙ ВОЛНЕ

Сергей САДОВСКИЙ.

Дома косят луга...
Как тоскует рука
По звенящей косе!
Но сказал мне один
Человек без седин:
— Косы кончились все.
Все б коса тебя старая
Вечно манила! —
Нынче все по-ударному —
Новая сила —
Сенокосилок!.. —
Я давно уже не был
На кийских лугах
И забыл запах хлеба
В деревенских печах,
Напряжение ладоней
Над росной травой,
Комариные звонь
Над головой...
Но как скажут:
— В разгаре пора сенокоса, —
Вижу я не машины, —
Серебристые косы...
Это детство
Среди полудиких цветов —
Как надежное средство
От злых пустяков.
...Наливает мне мама
Стакан молока,
Будто нам
Подарили его облака.
И бидончик с клубникой,
Что сестра принесла, —
Как награда, возникнет
За наши дела...

ОЖИДАНИЕ ЗИМЫ

Всю ночь — молчание. А утром —
Ошалевают воробы!..
Поскольку утром сердце мудро,
Оно не требует любви.
Но рвусь сказать: хоть это лето
Успешно поджидали мы, —
Я, солнцем ласковым согретый,
Жду приближения зимы.

Какое странное упорство! —
Все радуются, только ты
Грустишь о первой снежной горстке
В которой — смысл чистоты.
Грустишь о снегире, как знаке
Или намеке на родство,
О бесконечности бумаги,
Души таящей волшебство.
Не изменения погоды,
Не деревец карандаши, —
Жду обнажения природы
И обнажения души.

Выпускникам Чердатской
средней школы 1976 года

Возле клуба было весело,
Только загрустил баян.
Здесь колчаковцы повесили
Сорок красных партизан.
Захмелевшие товарищи —
Стройные, как топольки,
Под сосновое пожарище
Вышли — на берег реки.
Больше не десятиклассники, —
Завтра в армию пора...
Волосы щекочут ласково
Им чульмские ветра.
Мы с учительницей Галею
К ним неробко подойдем,
От души — и на прощание
Песню старую споем.
Возвращайтесь возмужавшими
На высокие холмы!
Сосны, слезы задержавшие,
Замолчали, как и мы.
Эта ночь — воспоминанием
Станет, как весенний дым...
Неслабеющим вниманием
Озаряет вас Чульм.
Скоро утро над Чердатами
Встанет — солнцем обольет,
И над новыми солдатами
Детство птицей пропоет.

г. Томск.

Сергей Садовский

Август

Нахальный и невозмутимый,
Он дождь внекладку предлагал,
А в серебристой паутине
Паук подобье солнца ткал.

Не оглашается окрестность
Раздором птичьих торгаший,
Синоптик смотрит в неизвестность
Барометровых фетишей...

Туман сползает с косогоров,
Укутывая ширь реки
И зябнут уши острословов,
(Они еще и рыбаки!)

Песчаные пустеют косы,
Свиваясь в рыжее кольцо,
И багровеет сенокоса
Пятнисто-потное лицо.

В тоске невиданного жеста —
Сдающиеся тополя...

Но вот уже меняют место
Пшеница с рожью на полях.

И ощущается прохлада
В свирепости речных ветров,
А мелодичность звездопада
Бессонных мает стариков...
с. Зырянское.

Тоска по юношеству

Мне говорят: не все потеряно!
Мне говорят: ищи друзей!
И, вроде, молодо — не зелено,
Но я — хороший ротозей.

Подумаю — и снова думаю:
Как разлюбил, так — полюблю!
И ужаснусь: а вдруг я думами
Опощлю все и огрублю?

Где встретиться и что — отломится?
Чего добьешься в первый раз?
Не на скамейке же знакомиться,
Хотя скамейки и для нас!

Я долго жил, глазами шастая.
Года — дорожные огни...
Проходят девочки глазастые,
Проходят мальчики ушастые,
Глядишь — и выросли они.

И средний возраст, словно трамвай,
где я висну на подножке!
Встается резво по утрам,
Но некуда глядеть глазам, —
Морозом скованы окошки...

х х х

Тайна ночи. Страх непониманья.
Полное безмолвие твое.
Свет луны надломленный,
стеклянный
Сердце захлестнувший до краев.
Взлет руки — крыла тревожной
птицы.
Одурели в крике петухи...
Эта ночь еще не раз приснится,
Если превращается в стихи.

г. Томск.

Черная речка

Ни Дантеса, ни Пушкина, —
Голубая вода...
Вдалеке, за избушками
Сушатся невода.

За рекою холодною
Чай-то слышится щелк...
На цветах с позолотою —
Легких бабочек шелк.

Я бродить не отчаялся, —
Все увидеть спешу.
Вот и стих получается,
А поэму — душу.

Скрыт намек в путешествии
К этой странной реке,
В этом ветреном бедствии
И тетрадке в руке.

Все настолько безвременно
И настолько — тоска,
Словно Анна Каренина
К своей смерти близка.

Что касается Пушкина, —
Сотня лет, как воскрес
И на выстрел на пушечный
Не подступит Данте.

Черная речка, июль 1978 г.

Черная речка — река в окрестностях Томска. (С. С.)